

© 1993 г. ЮРЧЕНКО В.С.

РЕАЛЬНОЕ ВРЕМЯ И СТРУКТУРА ЯЗЫКА*

(К философии языкознания)

В лингвистике и логике в XX в. произошла смена научной парадигмы: начиная с античности, на протяжении столетий язык был ориентирован преимущественно на вещь — предмет и в его центр помещалось имя — слово; однако в наше время был провозглашен тезис: "Мир есть совокупность фактов, а не вещей" [1, с. 31], и язык был переориентирован на факт — событие. В связи с этим на передний план выдвинулись высказывания и его пропозициональная функция — предикат. Короче говоря, лингвистика "вещи" сменилась лингвистикой "факта" [2]. Новая лингвистика добилась громадных успехов, о которых здесь нет возможности говорить, однако выявились и ее слабые места — "аномалии", по выражению Т. Куна [3], которые, как представляется, не могут быть устранены в рамках данной парадигмы. На уровне синтаксиса задачу в общем виде можно сформулировать так: необходимо синтезировать, объединить в одно целое разные стороны лингвистического объекта, в частности: единицу языка — предложение и единицу речи — высказывание; их субъектно-предикатную и предикатно-аргументную основы; их когнитивный и грамматический планы; их семантику и синтагматику; атрибутивную и предикативную структуры; пропозицию предложения и его модальную рамку; грамматическое и актуальное членения предложения — высказывания; структуру предложения и систему частей речи; различные типы предложения и высказывания и т.д. Однако такой синтетический подход к языку, очевидно, нельзя осуществить в рамках современной научной парадигмы. Нужна новая — третья парадигма. Переход к ней, как представляется, будет сопряжен с дальнейшей переориентацией языка, который должен быть соотнесен непосредственно с экстралингвистической действительностью в целом, потому что, перефразируя Витгенштейна, можно сказать: мир есть космос, Вселенная, а не совокупность вещей или фактов. Таким образом, лингвистика "факта" должна смениться, а точнее, дополниться лингвистикой "мира", "космоса". Впрочем, следует заметить, что, зарождаясь в рамках мифологического мышления, лингвистика с самого начала стремилась постичь роль языка в универсуме — в мире в целом, так что в какой-то мере речь должна идти о том, чтобы на новом витке исторического развития науки о языке вернуться к ее истокам [4]. Но для этого необходимо раскрыть связь языка с реальным временем.

"Мы наделены внутренней стрелой времени", — отмечает видный современный физик И. Пригожин. При этом "стрела времени не противопоставляет человека природе. Наоборот, она свидетельствует о том, что человек является неотъемлемой составной частью эволюционирующей Вселенной". "Время — не только существенная компонента нашего внутреннего опыта и ключ к пониманию истории

* От редакции. В настоящее время, по-видимому, восстанавливаются в правах такие общенаучные понятия, как "философия науки", "философия культуры", "философия истории", "философия техники" и т.д. (см., например, "Современная западная философия. Словарь", М., 1991). В этой связи Редакция считает возможным, в виде опыта, отразить эту тематику и на страницах нашего журнала. Основную мысль статьи В.С. Юрченко в этой связи можно было бы резюмировать как попытку осмыслить различные отношения зависимости, изучаемые лингвистикой, как отношения линейного времени, т.е. как одну из общих проблем "философии языкознания".

человечества как на уровне отдельной личности, так и на уровне общества. Время — это ключ к пониманию природы" [5, с. 252]. Время — это также ключ к пониманию языка, на что впервые указал Ф. де Соссюр, который говорил: "Означающее, являясь по своей природе воспринимаемый на слух, разворачивается только во времени и характеризуется заимствованными у времени признаками: а) оно обладает протяженностью и б) эта протяженность имеет одно измерение — это линия. Об этом совершенно очевидном принципе сплошь и рядом не упоминают вовсе, по-видимому, именно потому, что считают его чересчур простым, между тем это весьма существенный принцип и последствия его неисчислимы... От него зависит весь механизм языка" [6, с. 103].

Важно подчеркнуть, что Ф. де Соссюр ограничил воздействие реального времени на язык лишь сферой звуковой формы, полагая, что такого воздействия не испытывает смысловое содержание, или семантика языка. Фактически данный вопрос решается в лингвистике указанным образом до сих пор. В этом, очевидно, кроется причина того, что те неисчисляемые последствия влияния реального времени на язык, которые предсказывал Ф. де Соссюр, все еще остаются нераскрытыми. Между тем, как показывает теоретический анализ, время оказывает воздействие на язык прежде всего на уровне грамматической (категориальной) семантики, т.е. наиболее общего смыслового содержания предложений и слов. Как пишет Г. Рейхенбах, "временной порядок возможен в такой области, которая не имеет никакого пространственного порядка, а именно в сфере психического опыта человека" [7, с. 130]. Перед лингвистикой стоит задача — показать, как взаимосвязаны на линейной оси реального времени семантическая и формальная структуры естественного человеческого языка.

В этой связи интересно также проанализировать рассуждения о линейности языка У. Чейфа. С одной стороны, он пишет: "Невозможно представить себе, что семантический ареал имеет только одно измерение, подобно временному измерению в фонетической области". А с другой стороны, он выделяет, по сути дела, линейные семантические оси "действие — действие", "действие — цель" и др., считая их полярными, т.е. ограниченными двумя членами, "в то время как для временной фонетической оси такого ограничения нет" [8, с. 17]. Следует согласиться с тем, что линейная семантическая ось имеет ограничение, но она изначально ограничена не двумя, а тремя членами, что видно из рассуждений самого У. Чейфа: так, названные им две "полярные" семантические оси представляют собой единое трехчленное целое: действие — действие — цель. Обычно, когда возражают против линейной организации семантического ареала, имеют в виду прежде всего лексическую (вещественную) семантику, которая действительно носит в значительной мере "вертикально" иерархический и симультанный характер. Однако в данном случае речь следует вести о грамматической категориальной семантике, заключенной в инвариантной структуре предложения и системе основных частей речи, т.е. должна быть дана экспликация таких кардинальных терминов-понятий, как субъект (предмет), выраженный через подлежащее (имя существительное), предикат (опосредствующий процессуальный признак), выраженный через сказуемое (глагол), атрибут (непосредственный признак), выраженный через определение (имя прилагательное), "третий" поликомпонентный член (различные опосредствованные признаки), представленный как разного рода обстоятельства и дополнения (наречие и косвенные формы существительного). Как будет показано ниже, именно данные элементы категориальной семантики разграничены и соотношены действием принципа линейности.

Универсальная база языка многими лингвистами строится таким образом, что в ней отсутствует линейное упорядочение элементов. По этому поводу Ч. Филлмор пишет: "Споры о том, возможна ли универсальная база языка, были связаны главным образом с вопросом о том, задается или не задается правилами универсальной базы (если таковая существует) линейный порядок

элементов предложения. Распространенное мнение состоит в том, что универсальными базовыми правилами задаются лишь нужные синтаксические отношения, а приписывание линейного порядка составляющим базовой структуры осуществляется в каждом языке по своим собственным правилам" [9, с. 370—371]. Здесь некорректным представляется разрыв между синтаксическими отношениями и линейным упорядочением элементов предложения. Линейность должна пониматься не как простое следование во времени элементов предложения, но прежде всего как способ их связи на линейной временной оси. Суть лингвистической линейности не в том, что, например, слово *пишет* следует во времени за словом *ученик*, а слово *хорошо* — за словом *пишет*, а в том, что на временной оси слово *хорошо* связано со словом *ученик* через слово *пишет* (принцип временной промежуточности).

Реальное время характеризуется двумя фундаментальными физическими свойствами: одномерностью (линейностью) и однонаправленностью (необратимостью) [10, с. 298; 11, с. 43]). Оба эти свойства оказывают определяющее воздействие на строение естественного человеческого языка. На линейной однонаправленной оси реального времени могут быть построены два и только два типа структур: двучленная структура с асимметричным отношением и трехчленная структура с транзитивным (опосредствованным) отношением. В основе первой структуры лежит временное отношение "раньше — позже": если из двух возможных событий одно наступило раньше, то второе может наступить только позже. Тем самым между этими двумя событиями устанавливается асимметричное отношение: предыдущее событие — последующее событие. В основе второй структуры лежит временное отношение "прошедшее — настоящее — будущее": если три события последовательно наступили одно за другим, то первое и третье события могут быть связаны, соотнесены только через промежуточное второе событие. Тем самым между этими тремя событиями устанавливается транзитивное (опосредствованное) отношение: исходное событие — промежуточное (связующее) событие — конечное событие. В основе этого отношения лежит принцип временной промежуточности: прошедшее связано с будущим через настоящее. А.М. Мостепаненко пишет: "Временный порядок определяет отношение временной промежуточности для событий любого процесса. Он устанавливает, в частности, что из трех различных событий *A*, *B*, *C*, относящихся к одному и тому же процессу, какое-то одно, например *B*, происходит между двумя другими — *A* и *C*" [12, с. 67]. Легко видеть, что транзитивное (опосредствованное) отношение скрыто содержит в себе два бинарных асимметричных отношения: первое событие асимметрично связано со вторым, а второе — с третьим. В естественном человеческом языке "событиями", располагающимися на линейной однонаправленной оси реального времени, являются: в "глубине" — виртуальные семантические конструкторы, предмет и его признаки; на "поверхности" — дискретные номинативные знаки, слова. Велимир Хлебников, поэт и математик, прозорливо угадал наличие в структуре времени двух типов отношений: бинарных и тернарных. Он восклицал: "Я нашел ключ к часам человеческим... Слушайте мой закон: Время построено на ступенях двоек и троек. Этих наименьших четных и нечетных цифр. Вот она, древняя славянская вера в чет и нечет. Всякое умножение на самое себя двоек и троек есть природа Времени" (цит. по [13]). Но такое умножение есть и природа языка: в речи, которая представляет собой процесс актуального развертывания языка во времени, происходит "умножение" двоек (атрибутивных структур) и троек (предикативных структур).

А. Эйнштейн писал: "Для применения своего метода теоретик в качестве фундамента нуждается в некоторых общих предположениях, так называемых принципах, исходя из которых он может вывести следствия. Его деятельность, таким образом, разбивается на два этапа. Во-первых, ему необходимо отыскать эти принципы, во-вторых — развивать вытекающие из этих принципов следствия" [14, с. 5]. Теория языка также должна опираться на четкие исходные понятия

и принципы — аксиомы, которые связывают эти понятия. Таких понятий — два. Предмет и признак. Окружающий человека мир, от микрочастицы до Вселенной, имеет в плане языкового сознания предметно-атрибутивный характер: мир — это движущаяся материя (предмет), обладающая явными или скрытыми свойствами (признаки). Б.А. Серебренников отмечал: "Любая человеческая речь, даже самая примитивная, предполагает четкое осознание предмета и его признаков". "Сущность предложения во всех языках мира заключается в развертывании признаков предмета. До осознания признаков не могло быть никакой речи". "Вне этого условия сама речь не представляется возможной. Поэтому всякие рассуждения по поводу того, что, будто бы, первоначально в языке не было четкого разделения частей речи, представляются нам совершенно не обоснованными" [15, с. 238]. При этом существенны два момента: 1) в принципе и в каждом отдельном случае предмет — один, а признаков у него — бесконечно много; 2) конструкты "предмет — признаки" в языковом мышлении образуют структуру, в которой предмет — главный, ядерный член, а признаки — зависимые, периферийные члены. Эти исходные принципы — аксиомы — ведут к фундаментальной антиномии языкового мышления и речевой коммуникации: реально и потенциально предмет обладает неограниченным множеством признаков, между тем как в одном акте познания предмета и сообщения о нем может по необходимости содержаться только конечное число их. Решение этой антиномии состоит в том, что вместо дурной потенциальной бесконечности образовалась актуальная конечная предметно-признаковая структура языка, на базе которой и происходит бесконечный процесс языкового мышления и речевой коммуникации. Необходимо также отметить, что неопределяемость исходных понятий "предмет" и "признак" не является абсолютной. Они не получают своего эксплицитного определения лишь на начальном этапе построения теории синтаксиса языка. Но они постепенно раскрываются в процессе, а тем более — в результате такого построения. Кроме того, они могут иметь свое толкование в других областях знания, например в логике.

Глубинная семантическая структура языка строится на линейной однонаправленной оси реального времени. При этом на базе транзитивного отношения строится ее предикативная часть, которая состоит из трех членов, а третий член относится к первому через промежуточный второй член. Два ее признаковых элемента располагаются справа от предмета в порядке прогрессивной последовательности, адекватной направлению реального времени (*солнце светит ярко*). На базе асимметричного отношения строится атрибутивный фрагмент структуры. Его зависимый признаковый элемент располагается слева от предмета в порядке регрессивной последовательности, обратной стреле времени (*весеннее солнце*). Развертываясь по одной из граней четырехмерного физического мира — по линейной однонаправленной оси реального времени, коммуникативная единица языка получает возможность отражать (а также выражать и сообщать) содержание этого мира в виде человеческой мысли, которая имеет две формы: субъектно-предикатную и предикатно-аргументную (пропозициональная функция).

Таким образом, исходная семантическая структура языка имеет вид: непосредственный признак — предмет — опосредствующий признак — опосредствованный признак. Эта структура не просто оптимальна — она отличается внутренней красотой: в ней количество признаков и самое минимальное различие между ними находятся в зависимости от их положения в структуре, прежде всего от их отношения к ядерному члену — предмету. Тем самым сливаются в органическое единство форма и содержание, а также внеязыковая и внутриязыковая обусловленность признаков. Сколько признаков характеризуют грамматический предмет, как они связаны, соотнесены с ним, какова их самая общая природа — все это обусловлено не чем иным, как реальным временем. Но это значит, что время обуславливает объем и общие свойства структуры предложения и системы частей речи, грамматики в целом. Вместе с тем глубинная семантическая структура

языка внутренне динамична, поскольку у предмета не три, а потенциально большее число признаков, и языковое мышление, естественно, "стремится" их отразить. Структура подобна пружине — она испытывает напряжение и способна растягиваться, причем точкой ее дальнейшего разрастания, ветвления служит крайний опосредствованный признак, который как бы дробится и становится поликомпонентным членом.

Существенно, что исходная пропозиция языка содержит три элемента (предмет — первый признак — второй признак) и "растянута" по линейной однонаправленной оси реального времени. В этих условиях срединный элемент — опосредствующий признак (глагол) — не только связывает второй признак с предметом, но и разделяет их. Это делает пропозицию рыхлой, разламывающейся. Очевидно, такая структура может существовать и функционировать как целое только при наличии человека — говорящего. Последний призван связать, соотнести признаки (акциденции) с предметом (субстанцией). Но это значит, что связь между элементами предикативной структуры, как и сама структура в целом, имеет не только объективный, но и субъективный характер. Субъективность (модальность) проявляется в следующем: говорящий определяет реальность — нереальность связи двух предикативных признаков с предметом — субстанцией, а также время этой связи, избрав точкой отсчета "момент речи", т.е. момент произнесения предложения (высказывания). Именно модальность создает условия для перевода синтагматики (язык изначально линейен) в парадигматику. Под влиянием модальности, скрытой опосредствованным признаком исходного предмета возникает не только внутреннее свойство — качество, но и его отношение к миру — к другому предмету, а также к пространству и времени. Тем самым в позиции опосредствованного признака формируется парадигматическая ("вертикальная") ось предложения — ось потенциальных именных предикатов: качественного, локального, темпорального, объектного, границы между которыми размыты промежуточными элементами (ср. аналитические и синтетические суждения по Канту [16, с. 111]).

В качестве центрального члена предложения глагол, очевидно, во всех языках мира так или иначе характеризуется двумя видами свойств. Во-первых, формы глагола указывают на то, в какое время (относительно момента речи) происходило событие, описанное в предложении. Поэтому опосредствующий признак является вместе с тем процессуальным признаком, т.е. таким, который выступает как действие предмета, протекающее во времени. Во-вторых, в глаголе, его морфемной и семантической структурах, находят свое отражение окружающие его члены: слева — грамматический предмет (субъект); справа — различные опосредствованные признаки (обстоятельства и объекты). Подчеркнем, что указанные два важнейших свойства центрального члена предложения — глагола-сказуемого — обусловлены в конечном счете физическими свойствами реального времени, в частности временным транзитивным отношением.

И в традиционном, и в современном языкознании объективная модальность в сущности всецело замыкается на глаголе: она трактуется как время, а также реальность или нереальность действия, выраженного глаголом и производимого субъектом. Такой подход ведет к выключению из сферы действия объективной модальности заглагольных членов — обстоятельств и дополнений. А поскольку это так, то получается, что последние как бы не нужны для исходной структуры предложения. В этом и состоит одна из причин классической антиномии главных и второстепенных — заглагольных — членов (вторая причина состоит в том, что сокращенное предложение может выражать актуальное суждение, ср., например: *Ребенок спит*, но *Ребенок спит на диване*). Между тем более глубокий анализ языковой действительности показывает, что объективная модальность есть отношение — через глагол-сказуемое — заглагольных компонентов к исходному предмету, причем грамматическое время указывает на время этого отношения (относительно момента речи), а грамматическое наклонение — на его

реальность или нереальность (с точки зрения говорящего). Данный подход снимает указанную антиномию, поскольку заглагольные компоненты — обстоятельства и дополнения — попадают в сферу действия объективной модальности и, следовательно, непосредственно включаются в качестве конститутивных в инвариантную структуру предложения. Кроме того, происходит объединение, синтез морфологического (глагольного) времени — наклонения и синтаксического (предложенческого) времени — наклонения.

В связи с наличием в предложении конструктивно-грамматического ядра — глагольного сказуемого предикативная структура, которая изначально характеризуется транзитивным (опосредствованным) отношением, распадается на двучленные блоки, которые характеризуются асимметричным отношением (ср.: *ученик пишет; пишет грамотно*). Более того, формальная грамматическая связь (сцепление) обычно устанавливается в пределах такого двучленного блока, т.е. между рядом стоящими компонентами, тогда как исходное трехчленное целое часто не получает прямых формальных показателей связи. Поэтому предикативная часть основного типа предложения похожа на цепочку из трех звеньев, а ее внутренний стержень (транзитивное, или опосредствованное отношение) обычно остается невидимым.

Существенно, что языковая семантическая структура "непосредственный признак — предмет — опосредствующий признак — опосредствованный признак" опирается на бинарную логическую (когнитивную) структуру "предмет — всеобщий признак". Она является результатом развертывания на оси времени вокруг логико-грамматического предмета его трех признаков, обобщенных на когнитивном уровне в виде предельно абстрактного, всеобщего признака. Бинарная структура "предмет — всеобщий признак" есть виртуальная субъектно-предикатная основа четырехчленного предложения, причем атрибутивная часть (непосредственный признак — предмет) опирается на логический субъект, а предикативная часть (предмет — опосредствующий признак — опосредствованный признак) — на логический предикат. В процессе дальнейшего формирования языкового мышления образуется еще одна основа предложения — предикатно-аргументная. При этом если субъектно-предикатная основа лежит как бы вне языка и до языка — до его специфически грамматического строя, то предикатно-аргументная основа находится в самом языке — она в большей мере связана со спецификой грамматического строя предложения. Предикатно-аргументная основа предполагает наличие в структуре предложения не только исходного (ядерного) предмета, но также парадигматической оси, на которой располагаются заглагольные предметные актанты. А в центре предложения должен стоять семантически и морфологически развитый глагольный предикат, в котором "отражены" окружающие его члены — предметные переменные. Такой развитый глагольный предикат (а также связанный с ним глагольно-именной) и служит как раз ядром пропозициональной функции — предикатно-аргументной основы предложения. Если предложение как субъектно-предикатная структура отражает всеобщую предметно-признаковую сущность мира, то предложение как предикатно-аргументная структура отражает разнообразные события, ситуации ("факты" в смысле Витгенштейна). Наполненная лексическим (вещественным) содержанием, грамматическая структура предложения актуализируется в речи, где виртуальное суждение $S - P$ стохастическим образом репрезентируется через актуальное членение высказывания. А это значит, что субстратное содержание мысли, на которое опирается семантическая структура предложения, опосредствованным образом связано с движением — формой мысли в речи. Таким образом, логическое суждение в целом, т.е. выраженное через язык и речь, есть единство двух структур: виртуальной (предмет — признак) и актуальной (тема — рема).

В современном синтаксисе субъектно-предикатная структура обычно сводится к предикатно-аргументной, в связи с чем субъект отождествляется с объектом и оба рассматриваются как аргументы — предметные переменные, входящие в

пропозициональную функцию. Эта процедура связана с отождествлением, неразграничением глагольного и именного предикатов и опирается на это неразграничение. Такое механическое обобщение двух логических (когнитивных) структур, а точнее, поглощение пропозициональной функцией субъектно-предикатной конструкции, возможно, хорошо "работает" в логике, но в лингвистике оно не позволяет понять глубинные свойства предложения, а тем более органически связать в единое целое его различные аспекты. Между тем теоретический анализ показывает, что более фундаментальной является как раз субъектно-предикатная структура (предмет — всеобщий признак), а предикатно-аргументная структура — более поверхностной и опирается на нее. Последняя, как сказано выше, предполагает наличие в языке семантически и морфологически развитого предиката, который как раз и становится ядром пропозициональной функции. Важнейшая задача современного синтаксиса — показать, как "надстраивается" предикатно-аргументная структура над субъектно-предикатной, не поглощая ее.

Таким образом, коммуникативная единица языка — речи имеет четыре основы: физическую (реальное время) и три логических (субъектно-предикатную, предикатно-аргументную, темо-рематическую).

Исходное предложение, представленное через двусоставно-глагольный тип, избыточно: глагольный предикат совмещает в себе модальность и категориальное (а также вещественное) значение; но заглагольный член, обстоятельство — дополнение, тоже имеет свое категориальное (я вещественное) значение, скрыто преломляющееся через ту же модальность. Следовательно, исходное предложение содержит в сущности два предиката: явный глагольный и скрытый именной. Из данного факта вытекает вывод: всеобщий логический (когнитивный) предикат на уровне основного типа предложения представлен расчлененно — глагольным (явным) и именным (скрытым) предикатами. Но это значит, что нет параллелизма между логической структурой мысли ($S - P$) и грамматической структурой исходного предложения. Вторая структура перерастает первую.

Избыточность такого предложения устраняется двумя путями: во-первых, путем элиминирования заглагольного члена, что приводит к образованию так называемого нераспространенного, сокращенного предложения; во-вторых, путем элиминирования категориального и вещественного содержания глагольного компонента, что низводит его до уровня связки и обуславливает образование двусоставного именного предложения.

Элиминация заглагольного члена ведет к троякого рода последствиям для оставшейся части: 1) она не меняет своего значения и сохраняет семантическую полноту (ср.: *Ребенок спит на диване* — *Ребенок спит*); 2) она не меняет своего значения, но становится семантически неполной (ср.: *Брат подарил сестре книгу* — *Брат подарил*); 3) она меняет свое значение и приобретает новую семантическую полноту (ср.: *Дочь поет романс* — *Дочь поет*).

Редукция категориального и вещественного значений глагольного сказуемого ведет к тому, что глагол превращается в связку, а заглагольный член преобразуется в именной предикативный член. Обратно говоря, сказуемое, как и природа, не терпит пустоты: в той мере, в какой редуцируется глагольный предикат, в той же мере на основе заглагольного члена формируется именной предикат. Этот процесс осуществляется на базе неопределенно большого множества конкретных предложений и имеет постепенный, недискретный характер. Поэтому нет четкой, явной границы: 1) между простым глагольным сказуемым и сказкой; 2) между приглагольным "второстепенным" членом и именным предикативным членом. Таким образом, данный процесс ведет к тому, что двусоставное глагольное предложение постепенно трансформируется в двусоставное именное. Последнее уже не является избыточным: оно содержит один грамматический предикат — именной, а глагольный предикат в нем низведен до связки. Поэтому двусоставное именное предложение параллельно двучленной структуре мысли ($S - P$), которую оно выражает. С определенной точки зрения, это — идеальное предложение.

Если процесс редукции идет дальше и глагольный (модальный) компонент устраняется полностью, то предложение преобразуется в атрибутивную синтагму. Главное структурное различие между атрибутивным признаком и предикативным признаком состоит в том, что первый относится к субъекту-подлежащему прямо, непосредственно, а второй опосредствованно — через глагольную связку, о чем писал еще А.А. Потебня [17, с. 111].

Таковы важнейшие деривационные процессы, связанные с редукционными изменениями в группе глагольного предиката. Они приводят к тому, что субъект получает три предиката, но в разных типах синтаксических структур: в исходном двусоставном предложении — свернутый глагольный (*ученик пишет*), в двусоставном именном — развернутый именной (*Ночь была темна*), в словосочетании — деградированный, т.е. атрибут (*темная ночь*).

Переходя к частям речи, надо отметить, что кардинальная антиномия (контрверза) здесь такая: в языке объективно выделяется четыре основных части речи: прилагательное, существительное, глагол и наречие, между тем как в синтаксических теориях в исходную инвариантную структуру предложения включаются либо две части речи — существительное и глагол, либо одна — глагол. Поэтому, хотя обычно ученые а priori признают справедливость тезиса о единстве (тождестве) предложения и частей речи, фактически они оказываются в положении путника, очутившегося перед пропастью, поскольку и в классическом, и в современном языкознании существует разрыв между структурой предложения и классификационной системой частей речи. Часто этот разрыв преодолевается чисто механически — либо путем устранения одного из двух рядов, либо путем простого сведения предложенческого ряда к частеречному или наоборот.

Решение проблемы частей речи находится в тупике потому, что не решена проблема предложения. В самом прямом и глубоком смысле, это — одна проблема. Структура предложения и система частей речи должны быть выделены на одной основе, и только затем они могут и должны быть разведены по разным сферам языка. Лингвистика уже достаточно полно выявила в разных языках и подробно описала все части речи, их разновидности и варианты. Однако остается не сделанным главное — не раскрыта объективно языковая иерархия и система частей речи. Части речи до сих пор остаются не структурированными; их систематизация в значительной мере строится на классификационных основаниях. Как известно, таких оснований — три: семантическое, синтаксическое, морфологическое. Преодоление классификационного подхода предполагает, в частности, решение вопроса об иерархии данных оснований. Семантическое и синтаксическое основания должны быть внутренне взаимосвязаны, объединены в единое целое, и на базе этого целого должен быть объяснен морфологизм частей речи.

Здесь важно прежде всего следующее. Категориальная семантика частей речи имеет предметно-признаковый характер: существительное обозначает предмет, а прилагательное, финитный глагол и наречие — его признаки: соответственно непосредственный, процессуальный и опосредствованный. В сущности эти же значения составляют и глубинную семантику предложения: подлежащее обозначает предмет — субъект, а определение, сказуемое и заглагольный член обозначают его признаки (в широком смысле): соответственно непосредственный — атрибут, процессуальный — предикат и опосредствованные — обстоятельства и объекты. Таким образом, предложение и части речи представляют собой, с определенной точки зрения, единую сущность. У них одни и те же категориальные значения. Это предугадал гениальный А.А. Потебня, который говорил, что первой особенностью предложения является то, что в него входят части речи. Очевидно, в эту формулу надо внести только одну поправку, именно: в том единстве, которое образуют предложение и части речи, примат принадлежит предложению. Поэтому более строгой формулировкой будет такая: первая особенность частей речи состоит в том, что их категориальные значения "выстраиваются" (структурируются) на линейной оси предложения.

Категориальные значения частей речи служат субстратом, на котором надстраиваются лексические (вещественные) значения. Благодаря этому части речи получают возможность обособиться, отделиться от структуры предложения. А поскольку над категориальным значением каждой части речи надстраивается не одно, а множество лексических значений, то части речи выступают как грамматические классы слов. Знак (слово), семантика которого состоит из категориального и вещественного значений, способен выполнять номинативную функцию — называть разнообразные классы предметов и классы их свойств (признаков). Отчуждение или обособление частей речи от структуры предложения связано и с тем, что в рамках парадигмы одной части речи могут объединяться формы слов, лежащие на разных уровнях или в различных звеньях структуры предложения и системы синтаксиса, например именительный и косвенные падежи существительного, финитная и инфинитная формы глагола, полная и краткая формы прилагательного и т.д. Независимость и автономия частей речи поддерживаются также их морфологическими формами как таковыми (флексиями, суффиксами, префиксами и пр.), однако что касается морфологических значений — категорий, то они обусловлены особенностями структуры предложения. Важнейших категорий — три: время и наклонение у глагола и падеж у существительного. Все три категории взаимосвязаны и обусловлены: первые две (глагольные) — синтагматической осью, третья (именная) — парадигматической осью предложения. Наличие в предложении заглагольного члена обуславливает необходимость времени и наклонения, а наличие этих последних создает возможность для категории падежа. Именно благодаря объективной модальности — времени и наклонению говорящий может включить в предложение в качестве опосредствованных признаков исходного предмета (прямой падеж) не только его внутреннее свойство — качество, но и другие предметы — объект, адресат, орудие и т.д. (косвенные падежи).

Однако для адекватного решения проблемы частей речи недостаточно правильно вычленив инвариантную структуру предложения и, в частности, определить ее объем. Необходимо решить еще две синтаксические задачи: 1) рассмотреть вопрос о репрезентации грамматической структуры предложения через актуальную единицу речи — высказывание; 2) выявить системно-генетическую (деривационную) связь между различными типами, или моделями, предложения, т.е. раскрыть систему в синтаксисе. Решение первой задачи позволит понять роль и место в системе частей речи модальных слов (*несомненно, вероятно* и др.), поскольку эти слова служат регуляторами отношений между компонентами актуального членения — темой и ремой [18]. Решение второй задачи позволит осмыслить появление в языке вторичных, производных "частей речи": глагольной связки, краткого прилагательного, безличного местоимения, безличного глагола, категории состояния, поскольку все они являются продуктами синтаксической деривации — преобразования исходного предложения в разнообразные производные (подробнее см. [19]).

Известно, как много неудобств доставляют составителям грамматик причастия, деепричастия, местоимения. Они не вмещаются ни в какие классификационные схемы, ломают их изнутри. Они прямо и однозначно не становятся на те же классификационные основания, на которых учеными размещаются остальные части речи. Более того, они (конечно, наряду с другими факторами) показывают, что проблема частей речи не есть классификационная проблема и что ее корни лежат в синтаксисе — в структуре предложения. Их место в системе частей речи может быть определено лишь в том случае, если эта система будет адекватно структурирована на синтаксическом субстрате. Важнейшая особенность иерархии частей речи состоит в том, что система основных частей речи (прилагательное, существительное, финитный глагол, наречие) осложнена двумя подсистемами: с одной стороны — глагольно-именной (причастие, инфинитив, деепричастие), а с другой — местоименной (местоименные прилагательные, местоименные

существительные, местоименные наречия). При этом и система основных частей речи, и обе ее подсистемы опираются на четырехчленную инвариантную структуру предложения и изоморфны ей [20].

Наконец, полное решение проблемы частей речи предполагает, что из знаменательных слов (прилагательное, существительное, глагол, наречие) будут получены на путях деривации слова других классов: местоименные, служебные, междометные. Суть такой деривации состоит в том, что из инвариантной структуры знаменательных слов последовательно устраняются компоненты их семантики: редукция лексического значения ведет к образованию местоименных слов, которые сохраняют категориальное и грамматическое значения; редукция лексического и категориального значений ведет к образованию служебных слов, которые выражают грамматическое значение; редукция лексического, категориального и грамматического значений ведет к образованию междометных слов, которые лишены собственно лингвистических значений и для которых релевантным становится их звуковой комплекс сам по себе.

Опираясь на сказанное, можно дать следующие определения (дефиниции) двух фундаментальных понятий языкознания — понятий грамматического предложения и частей речи. Исходное предложение — это построение на линейной однонаправленной оси реального времени четырехчленная (в раскладке 1 + 3: один предмет и три признака) синтаксическая структура языка, которая характеризуется двусоставностью (способностью выражать двучленную структуру мысли $S - P$) и предикативностью (наличием финитного глагола, выражающего модальность — наклонение и время) и которая через категорию лица включена в структуру речевого акта (говорящий — слушающий — предмет речи). Части речи — это структурированные на линейной оси предложения категориальные значения (непосредственный признак — предмет — опосредствующий признак — опосредствованный признак), которые служат субстратом для разнообразных лексических значений, что ведет к отчуждению (автономии) от предложения и формированию номинативных знаков — классов слов, обычно получающих особое морфологическое строение и связанный с ним комплекс грамматических функций.

Можно высказать предположение, что структура "непосредственный признак — предмет — опосредствующий признак — опосредствованный признак" содержится в любом языке мира, хотя, конечно, выражается в разных языках по-разному. При тождестве глубинной семантической структуры различие между языками касается прежде всего фонетического и морфемного облика отдельных слов, их конкретного смыслового содержания, а также способов сплечения их друг с другом. Но здесь мы подошли к вопросу о влиянии на язык физических свойств пространства. Следует, очевидно, признать, что естественный человеческий язык, с точки зрения онтологической, существует и функционирует не только во времени, но и в пространстве. При этом если физические свойства реального времени (одномерность и однонаправленность) определяют в языках общее, то пространственные параметры (прежде всего пространственный разрыв между говорящим и слушающим, социальными группами людей, племенами и пр.) порождают различия между ними. Короче говоря, реальное время определяет Язык (единый), а пространство формирует языки (многие).

К решению проблемы языковых универсалий обычно идут индуктивным путем: сопоставляя возможно большее число разноструктурных языков, выявляют их общие особенности — свойства [21, с. 535—536]. Часто эти свойства имеют характер импликаций (типа: если субъект в языке стоит перед глаголом и объект стоит перед глаголом, то в языке есть падеж; если субъект стоит после глагола и объект стоит после субъекта, то прилагательное помещается после имени и т.д.). Такие общие свойства и рассматриваются как языковые универсалии: полные (присущи всем языкам) и неполные (присущи ряду языков). Думается, что на этом пути нельзя подойти к инвариантному языку-типу, поскольку не представляется возможным, во-первых, отграничить всеобщие существенные

свойства языка от его хотя и всеобщих, но не существенных свойств, а во-вторых — структурировать эти свойства, т.е. связать их в цельную глубинную основу языка. Поэтому данный подход должен быть дополнен другим, именно: из всего многообразия языков взять несколько или даже один высокоразвитый язык и, анализируя его отношение к мышлению и внеязыковой действительности, выявить его инвариантную коммуникативную основу. Затем посмотреть, содержится ли этот инвариант (скажем, русского языка) в других — иноструктурных — языках, и если да, то каким образом он в них проявляется. Этот путь является дедуктивно-индуктивным, поскольку здесь анализ и синтез дополняют друг друга. Идя этим путем, можно более адекватно выявить универсальную базу языка. Данная статья как раз и лежит в русле такого подхода. Представляется, что полученная методом синтеза и анализа русского языка глубинная семантическая структура "непосредственный признак — предмет — опосредствующий признак — опосредствованный признак" имеет универсальный характер, что, конечно, должно быть подтверждено и конкретизировано исследованием возможно большего числа иноструктурных языков. При этом следует учитывать два обстоятельства: 1) в некоторых языках указанная структура в принципе может не находить эксплицитного и полного выражения: скажем, в языке может остаться неразвитым амодальный член — непосредственный признак (прилагательное); 2) сложившаяся традиция изучения и описания того или иного языка может существенным образом маскировать или даже исказить его глубинную инвариантную основу (например, традиция — обычно она опирается на морфологию слова — не учитывать расщепление качественного признака на два варианта: присубъектный и приглагольный).

Сформулированная здесь гипотеза о связи языка и времени позволяет также наметить водораздел между естественным человеческим языком и языком животных. Очевидно, одно из важнейших различий между ними — следующее. Основной знак естественного человеческого языка (предложение) имеет структурную, комплексную природу — он состоит из 1 + 3 элементов и "растянут" на линейной оси реального времени. Такой знак предполагает наличие говорящего, обладающего интеллектуальной волей — разумом. Он приспособлен для выражения структуры человеческой мысли — логического суждения (предмет — признак). В отличие от этого основной знак языка животных (звуковой сигнал) представляет собой один глобальный элемент. Этот знак не синтагматичен, т.е. он не строится на линейной однонаправленной оси реального времени. Поэтому здесь нет необходимости в таком "говорящем", который связывал бы составные части знака в целое, а для этого обладал бы интеллектуальной волей — разумом. Звуковой сигнал животных — инстинктивная реакция на ситуацию. Хотя, с другой стороны, если язык какого-либо животного, например дельфина, имеет разумную основу, то его знаки, очевидно, синтагматичны, т.е. построены на линейной оси реального времени.

Наконец отметим, что данная гипотеза позволяет поставить на твердую научную основу вопрос о происхождении языка. При решении этой проблемы встает важнейшая задача — найти ту грань, которая отделяет историю человеческого языка от его предистории. Можно полагать, что естественный человеческий язык начинается именно с того момента, когда в процессе взаимодействия примитивных знаков с реальным временем возникает в сознании нарождающегося человека знаковое образование высшего типа — описанная здесь комплексная семантическая структура языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1958.
2. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: Семантические проблемы лингвистики, философии, искусства. М., 1985.
3. Кун Т. Структура научных революций. М., 1977.
4. Лосев А.Ф. Философия имени. Диалектика мифа. Из ранних произведений. М., 1990.
5. Пригожин И. От существующего к возникающему. Время и сложность в физических науках. М., 1985.
6. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977.
7. Рейхенбах Г. Философия пространства и времени. М., 1985.
8. Чейф У. Значение и структура языка. М., 1975.
9. Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика. М., 1981.
10. Философская энциклопедия. Т. I. М., 1960.
11. Рейхенбах Г. Направление времени. М., 1962.
12. Мостепаненко А.М. Проблема универсальности основных свойств пространства и времени. Л., 1969.
13. Радзинский Э. Нап. Декамерон. М., 1990.
14. Эйнштейн А. Физика и реальность. М., 1965.
15. Серебренников Б.А. О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983.
16. Кант И. Сочинения. Т. 3. М., 1964.
17. Потемня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. I - II. М., 1958.
18. Юрченко В.С. К вопросу о соотношении актуального и грамматического членений предложения // Коммуникативно-прагматические и семантические функции речевых единиц. Калинин, 1980.
19. Юрченко В.С. Простое предложение в современном русском языке. Саратов, 1972.
20. Юрченко В.С. Структура предложения и система частей речи // Предложение и части речи в русском языке. Саратов, 1992.
21. Николаева Т.М. Универсалии // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.